

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ В XXI СТОЛЕТИИ: ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА НАУКИ

В. А. Мазилев

*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия,
e-mail: v.mazilov@yspu.org*

Статья посвящена обсуждению вопроса о перспективах психологии как науки. Оспаривается мнение, согласно которому психология не представляет собой единой науки, а являет собой набор практически не сообщающихся между собой дисциплин. В статье отстаивается мнение, что психология является фундаментальной научной дисциплиной, у нее прекрасное будущее. Она находится в начале своего становления фундаментальной наукой. В статье подвергается сомнению традиционный вывод, согласно которому психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX столетия. Высказывается тезис, что психология еще не стала самостоятельной наукой. Эта цель еще не достигнута. В статье анализируются условия и первые шаги на этом пути. Анализируется проблема предмета психологии. Первый шаг, который необходимо сделать, состоит в пересмотре трактовки предмета науки. В работе предлагается трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, анализируются преимущества такого подхода. Утверждается, что трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии.

Ключевые слова: психология, будущее, развитие психологии, единство, фундаментальная наука, предмет, внутренний мир.

DOI: 10.7868/S1819265318010077

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием
№ 25.8407.2017/8.9

Для цитаты: Мазилев В. А. (2018). Психология в XXI столетии: проблема предмета науки // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 108—123.

Прошла половина тысячелетия с той поры в начале шестнадцатого века, когда Марко Марулич (1450–1524) придумал термин «психология». Это было одно из самых удачных изобретений в истории этой замечательной науки: термин

прижился, хотя случались попытки отказаться от его использования. Представляется, это уже навсегда: как бы ни менялись в будущем взгляды на предмет психологии, название это сохранится, так как прекрасно отражает суть этой науки.

Поэтому никакие кризисы психологии не страшны: вся история этой науки это не только утраты, но и поиски и обретения подлинного предмета, который бы охватил все аспекты этого самого сложного и труднодостижимого феномена из всех «пространств мира».

В современной психологии накоплено огромное количество разнообразного материала: теории и концепции разного уровня, гипотезы и обобщения, материалы многочисленных исследований. Реальное богатство материалов, которым располагает психология, зачастую не осознается представителями научного сообщества, в первую очередь, потому, что колоссальный массив данных воспринимается как недостаточно упорядоченный, несогласованный, организованный. Представляется, что в психологии до сих пор выполнено мало обобщающих работ, в которых было бы показано сходство значительного числа проведенных исследований, выделено и обозначено общее, объединяющее разные подходы. Короче говоря, в современной психологии недостаточно представлен необходимый методологический анализ накопленных знаний, что выступает существенным препятствием на пути интеграции в психологии.

Конечно, это не остается незамеченным, в психологическом сообществе можно наблюдать различные настроения относительно перспектив развития психологической науки. Если осуществить даже поверхностную ревизию методологического инструментария психологической науки, то реально с весьма недавних советских времен уцелело не слишком много. Принципы (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития психики в деятельности), похоже, значительно устарели. Как писал В. П. Зинченко, в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлектированных схематиз-

мов профессионального сознания. «Беда в том, что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (Зинченко, 2003, с. 98–99). Трактовка психики как отражения тоже утратила свое былое значение: в настоящее время термин «отражение» применим разве что к сенсорным процессам, поскольку уже перцептивный уровень содержит мощную составляющую, которая логичнее объясняется с позиций конструктивизма. Даже методологический статус психологии как науки (это может показаться невозможным) в действительности не определен. (Не считать же серьезным решение ВАК Минобрнауки отнести психологию к социо-гуманитарному знанию, не учитывая многовековые традиции, свидетельствующие о том, что вопрос имеет более сложное решение, чем представилось авторам такого вердикта.) К сожалению, пока этот упадок в сфере методологии не восполнен в полной мере новыми современными методологическими исследованиями и разработками.

Заметим, что чрезвычайно интересно было бы осуществить экспликацию реальных методологических представлений исследователей из нынешнего поколения психологов. Можно полагать, это существенно обогатило бы методологию психологии. Констатируем, однако, что сегодня методологически положение психологии выглядит не лучшим образом, хотя известно, что классики психологии (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Ж. Пиаже и др.) неоднократно предсказывали переход психологии в скором будущем в статус ведущих наук.

Итак, настоящее психологии не впечатляет. Не случайно не стихают разговоры про схизис, кризис, другие проявления неблагополучия в этой науке. Пока — по выражению известного английского нейрофизиолога Криса Фрита — психология находится «внизу». Дадим ему слово:

«Как у всякого другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии — в самом низу» (Фрит, 2016, с. 17). Оставим эту оценку на совести видного представителя нейронауки, обратимся к анализу симптомов неблагополучия.

Важно подчеркнуть, что в условиях наступившей методологической свободы и вседозволенности понятно: каждый волен выражать свое мнение, каким бы оно ни было. Для темы нашего обсуждения стоит напомнить, что мы живем в особую пору. Как когда-то (однако, уже шестнадцать лет прошло) пронцательнo заметил В. М. Аллахвердов, «пришла методологическая пора — психология, отворяй ворота» (Аллахвердов, 2002). В пространстве психологии устойчиво складывается традиция концептуализации: многие не довольствуются констатацией того, что положение кризисное — они идут дальше, обосновывая, почему именно так должно быть. В этом отношении мы видим существенное изменение ориентации исследователей: если в двадцатые годы прошлого столетия, когда констатация кризиса была едва ли ни «общим местом», вслед за постановкой диагноза неизменно следовала более или менее развернутая программа выхода из кризиса, то сейчас в моде объяснения — авторы обосновывают сложившееся положение вещей, выражая этим, очевидно, удовлетворение текущим статусом психологической науки. Не хочется считать их очень дальновидными: в нынешних условиях нестабильности, о которых уже было сказано, они пытаются аргументировать «справедливость» сложившегося положения, ориентируясь на статус психологии «в нижней части иерархии», и обосновывают тезис о том, что психология это не самостоятельная наука, а лишь совокупность отдельных подходов, набор разных технологий и пр. В частности, можно услышать, что название «психология» не выражает современного

состояния этой научной области; что полноценной науки о психике в XXI столетии так и не появилось; что пройденный психологией исторический путь во многом случаен и гордиться там нечем; что прошлое психологической науки недостойно, чтобы на него ссылаться и к нему апеллировать; что психологии как единой дисциплины не существует; что в психологии имеется лишь множество различных исследовательских подходов, фактически не связанных между собой и т.п.

Никоим образом не покушаясь на свободу высказывания мнений, хочется предостеречь: механизм самоосуществляющихся прогнозов — по Р. Мертоу (Merton, 1949) — еще никто не отменял: в конечном счете происходит то, во что люди верят и что они ожидают. Важно подчеркнуть, что в условиях наступившей методологической свободы и вседозволенности понятно: каждый волен выражать свое мнение, каким бы оно ни было.

В то же время, в сложившихся условиях очень важно иметь позитивный сценарий развития психологии. Обратим внимание на то, что, когда обсуждается проблема кризиса в психологии, обычно повышенную активность проявляют представители академической науки. Это вполне естественно, так как кризис, прежде всего, ассоциируется с отсутствием единства в науке, множественностью теоретических подходов и т.п. При этом характерно, что представителям практико-ориентированной психологии метафора кризиса явно не кажется актуальной и близкой: практическая психология никогда не представляла собой единого движения — напротив, существовало множество различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может.

Воспользуемся случаем и повторим, что, по нашему мнению, будущее психологии светло и прекрасно, это соответствует высказываниям многих замечательных представителей этой науки. Психология, несомненно, фундаментальная наука. И наука будущего тоже. И она таковой станет, когда будут выполнены некоторые условия.

Зададимся, однако, таким вопросом. Если психология действительно является самостоятельной и уважаемой наукой, почему высказываются сомнения относительно ее текущего статуса и ближайших перспектив? Или — в действительности — она таковой не является?

Вообще, прежде чем рассуждать о будущем, полезно поговорить о настоящем. Понять настоящее — значит заглянуть в прошлое. Предпримем краткий экскурс. Начнем с учебников.

Психология обрела статус самостоятельной науки во второй половине XIX столетия. Основателем психологии как самостоятельной науки является Вильгельм Вундт. Декабрь 1879 года считается годом оформления психологии как науки, поскольку именно тогда в двух комнатах в Лейпцигском университете были размещены психологические приборы, что позволило заявить, что открыта первая в мире лаборатория для экспериментального исследования психических явлений. Именно с этого года идет отсчет подлинной истории психологической науки, имеющей, как мы помним, согласно Герману Эббингаузу, «длинное прошлое» при краткой истории. Начинается триумфальное шествие психологической науки, самостоятельной и независимой. Обо всем этом можно прочитать в учебниках. Однако представляется, что не все так просто.

Обратим внимание, что сам Вундт хорошо понимал, что пускается в весьма рискованное предприятие. Начать с того, что сама физиологическая психология еще недостаточно обоснована.

В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременной. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще недостаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для восполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды, ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» (Вундт, 1880, с. III).

Мы видим, что Вундт предпринимает попытку «ускорить» процесс. Тем более, он хорошо понимает, что физиологическая психология это далеко не вся психология. Если говорить честно, это лишь маленький раздел психологии: ощущения и произвольные движения. Все остальное — все высшие психические функции — оставались по-прежнему вне экспериментального исследования и вне физиологического обоснования. Выделение психологии как отдельной науки оказалось в значительной степени условным, поскольку требовались уточнения и оговорки. Но научное сообщество приняло этот вывод — научная, самостоятельная и независимая — решив, что начало положено, а дальнейшие исследования будут неуклонно расширять сферу научной психологии.

Вряд ли рождение науки сопоставимо с рождением человека — день рождения в первом случае, скорее всего, просто условность. Замечательный историк психологии М. С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» (Роговин, 1969, с. 96).

Другой классик — С. Л. Рубинштейн — в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» (Рубинштейн, 1940, с. 70). Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С. Л. Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» (Рубинштейн, 1940, с. 68). Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное число работ, ситуация принципиально не изменилась.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на глубокую и, как представляется, не оцененную мысль С. Л. Рубинштейна. Может быть, она осталась незамеченной потому, что, будучи опубликованной в далеком 1940 году, пришлось на ту пору, когда было не до методологии — вскоре началась война. А когда работа

была переиздана, в 1973 году, все посчитали, что все уже закончено, «система психологии» оформилась, да и с подлинно научной методологией все в порядке: философия диалектического и исторического материализма представлялась тогда учением, которое и всесильно, и верно.

В те же семидесятые годы в книге «Деятельность. Сознание. Личность» (1975) признанный лидер советской психологии А. Н. Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественно-научную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии» (Леонтьев, 1975, с. 3). Понятно, что речь идет о мировой психологии — отечественная имеет свою судьбу: «По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека» (Леонтьев, 1975, с. 4). Как писал А. Н. Леонтьев, «мы все понимали, что марксистская психология — это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» (Леонтьев, 1975, с. 5).

Но мы отвлеклись, вернемся к анонсированному высказыванию С. Л. Рубинштейна. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»;

«Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI—XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая — ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья — к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» (Рубинштейн, 1973, с. 77). Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании — глубоко и верно — является следующее: «когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией».

Итак, сформулируем наш вывод. Психология еще не стала самостоятельной наукой в полном смысле, система психологии пока еще не сложилась. Вывод Рубинштейна, который он сделал в 1940 году, справедлив и сегодня. Подлинно научная методология появится только тогда, когда будет определен предмет психологии, и это понимание предмета будет соответствовать современным требованиям. Утверждаем, интерпретируя мысль классика отечественной психологии, что третья «вершинная точка» еще не достигнута. Следовательно, реляции о научной и самостоятельной психологии были несколько преждевременными. Как нам уже приходилось писать, феномен нетерпения в психологии наблюдается довольно часто. При высокой мотивации хочется достичь всего и сразу. Впрочем, шутки в сторону.

Таким образом, задачи — если, конечно, психология желает продолжать двигаться по избранному пути — перед психологической наукой, согласно С. Л. Рубинштейну, встают следующие:

1. Оформить систему психологии;
2. Разработать совершенные методики исследования;
3. Создать научную методологию.

Представляется, что психологии полезно знать, какие задачи стоят перед этой научной дисциплиной. Можно смело заключить, что в данных направлениях многое делается: во всяком случае, за прошедшие десятилетия пройден весьма значительный путь. В рамках этого текста, разумеется, нет возможности предпринять обзор достигнутого за прошедшие десятилетия. С нашей точки зрения, именно эти задачи пытался решить в первую очередь в своей эпохальной работе «Основы общей психологии» (1940) сам С. Л. Рубинштейн. Не случайно эта книга за три четверти века не утратила своего значения и популярности. По мнению многих преподавателей, это до сих пор лучший отечественный учебник по психологии...

Тем не менее в полном объеме задачи, поставленные С. Л. Рубинштейном в 1940 году, до сих пор не решены. И они не могут быть решены, пока не будет достигнуто обязательное предварительное условие.

Это условие состоит в том, что в научной психологии — как она себя позиционировала — предмет психологии был задан слишком узко. Иными словами, в психологии представлена неадекватная трактовка предмета. Задачей настоящей статьи является демонстрация того, что реализация основного условия — пересмотра понятия предмет — позволит психологии существенно продвинуться в решении фундаментальных проблем.

Поскольку в рамках данного текста нет возможности предпринять историко-психологический анализ изменений взглядов на предмет, назовем лишь главные выводы. С нашей точки зрения, с момента декларативного выделения психологии (обоснование физиологической

психологии было предпринято, как мы помним, Вундтом в 1874 году, когда была опубликована полностью книга «Основания физиологической психологии») психология находится в кризисе. Вундтовская инициатива была поддержана научным сообществом и психология оформилась институционально. Внешняя сторона кризиса состоит в том, что отсутствует общее для всех «ядро научного знания», психология расколота на отдельные направления. Глубинный, внутренний смысл кризиса заключается в том, что цена, которую пришлось заплатить за самостоятельность, это неоправданные ограничения. В частности, это ограниченное, зауженное понимание предмета. Практически все не разрешенные до сих пор методологические проблемы коренятся в неадекватно понимаемом предмете психологии.

Можно смело утверждать, что кризис на глубинном уровне не преодолен до сих пор. Не стоит относиться к слову «кризис» негативно. Есть смысл рассматривать методологический кризис как реакцию психологического сообщества, выражающую неудовлетворенность его членов тем, как психология решает свои проблемы (см. подробно (Мазилев, 1998; 2004; 2017а)).

Из сказанного выше не должно создаться впечатление, что в современной отечественной психологии не происходят важные позитивные процессы. Данная статья никоим образом не представляет собой обзора по методологической проблематике. Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Важные результаты, имеющие непосредственное отношение к проблеме предмета психологии, получены в работах В. М. Аллахвердова (2006), А. Г. Асмолова (2002; 2012), Ф. Е. Василюка (2003), М. С. Гусельцевой (2009), В. П. Зинченко (Зинченко, 2003; 2006; Василюк, Зинченко, Мещеряков

и др., 2012), И. Н. Карицкого (Карицкий, 2006), Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2006; 2008), В. Ф. Петренко (Петренко, 2007; 2010), А. А. Пископпеля (2006), Н. И. Чуприковой (2006), В. А. Янчука (2006) и др. Значимые результаты получены в области методологии психологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов (Взаимоотношения исследовательской и практической психологии, 2015; Парадигмы в психологии, 2012; Прогресс в психологии, 2011; Субъектный подход в психологии, 2009; Теория и методология психологии, 2007; Человек, субъект, личность в современной психологии, 2013 и др.).

Вся история психологии представляет собой поиски предмета психологии. Теоретический анализ предмета предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях (Мазилев, 2006):

1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других;
2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрипредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания;
3. Обеспечение функции предметного «операционного стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах;

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

Назовем основные характеристики предмета:

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус);
2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического;
3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

В настоящее время совершенно очевидно, что необходимо обратить пристальное внимание на проблему предмета психологической науки. Как представляется, от правильного решения именно этого важного методологического вопроса зависят и ближайшие перспективы психологии, и ее общие стратегические устремления, и, в частности, те задачи, которые были обозначены С. Л. Рубинштейном в 1940 году. Обратим внимание на то, что «система психологии» представляет собой концептуализацию развернутой архитектоники совокупного предмета. Выработка нового понимания

предмета это актуальнейшая и труднейшая проблема из всех, что стоят перед психологией.

Как известно из психологии творчества, основная трудность в нахождении нового решения сложной проблемы состоит не столько в том, что нужно догадаться и сформулировать правильную гипотезу, сколько в том, чтобы преодолеть заблуждения, препятствующие выстраиванию верного пути. Именно осознание этих препятствий является наиболее сложным моментом в этом процессе.

Пересмотру предмета психологии, по нашему мнению, мешают некоторые устоявшиеся стереотипы, шаблоны мышления. Некоторые, как мы увидим, имеют весьма давние корни. Назовем эти заблуждения мифами и перечислим основные.

Миф первый. «Для повседневной исследовательской деятельности предмет не важен». Определение предмета — важнейшая задача психологии. Обратим внимание, что изменение трактовки предмета психологии это не просто словотворчество. Многие психологи и сегодня искренне полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния на жизнь науки: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания *предмета* данного *конкретного исследования*. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает реального влияния на предмет конкретного исследования. С нашей точки зрения, это важный шаг, имеющий большие последствия, существенно перестраивающий представление об общей психологии.

Миф второй. «Предмет простой». Предмет традиционно понимается как простой. Удивительно, но традиция такого понимания существует со времен Фомы Аквинского (1225–1274). В этом моменте формулируемый нами подход означает категорический разрыв с той

традицией, которая утверждает, что душа (психика) есть *простая* вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть *простым*. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные — в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественно-научной психологии, так и из обихода герменевтических методов.

Миф третий. «Изучать клеточку легче». Известное и красивое положение: кто разгадал бы клеточку психологии, тот нашел бы ключ ко всей психологии. В качестве предмета берут не предмет в целом (совокупный предмет), а единицу. Но большой вопрос — насколько единица может заменить совокупный предмет, предмет в целом, в выполнении функций, которые должен выполнять предмет науки.

Миф четвертый. Проблема «психика и мозг». Современная психология является наследницей Р. Декарта «по прямой». Оторвав душу от организма, противопоставив их, Декарт сделал неизбежной мысль об их соотношении. В соединении с идеей причинно-следственного объяснения мы получаем классический тупик, приводящий к эпифеноменализму психического. Для этого вспомним характеристику причинного объяснения. Это простое объяснение. Дело в том, что традиционная трактовка предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как вну-

тренне простое предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения показана в работах философа Е. П. Никитина (1970). Об этом подробнее будет сказано ниже.

Миф пятый. «Психика должна рассматриваться как свойство материи». Психику привыкли считать — это исторический вклад В. И. Ленина — свойством высокоорганизованной материи, отражением окружающего мира. Возможна ли фундаментальная наука о свойствах материи? Всего скорее, исследовать можно то, что существует реально, то есть имеет онтологический статус. Поэтому в психологии должна исследоваться психическая реальность.

Представляется очевидным, для осуществления вышеуказанных функций требуется не формальное определение предмета как идеи, а совокупное содержание — то, что мы называем совокупным предметом (Мазиллов, 2015). По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет, и она уже встречалась в истории психологической науки. Здесь не место для исторического экскурса о трактовках предмета психологии в историческом аспекте. Оставим разработку этого сюжета для отдельной работы. Здесь же подчеркнем, что приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову (Шадриков, 2006). Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта «предмет психологии» (Шадриков, 2004). Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» (Мазиллов, 2002). Отметим, что в этом издании идея не бы-

ла реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

Согласно В. Д. Шадрикову, внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, которую можно рассматривать как душу человека в ее научном понимании (Шадриков, 2006). В. Д. Шадриков комментирует стратегию исследования внутреннего мира. При рассмотрении внутреннего мира как целостной субстанции необходимо постоянно иметь в виду его компоненты, в качестве которых выступают: мотивация, эмоции и чувства, воля, содержание психики, определяемое бытием человека. В целях более глубокого понимания сущности внутренней жизни изучаются компоненты внутреннего мира как части целого. Показывается их место в структуре внутреннего мира, раскрывается динамика развития. Особое внимание уделяется взаимным связям и взаимопроникновению компонентов, благодаря чему и формируется целостный внутренний мир. На основе изучения мотиваций, эмоций и чувств, воли раскрывается процесс формирования личностных качеств, которые проявляются как устойчивые формы поведения. Показываются механизмы включения личностных качеств в динамику внутренней жизни человека (Шадриков, 2006).

Был подготовлен и издан учебник для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей (Шадриков, Мазилев, 2015). При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. Особенно стоит подчеркнуть, что данный вариант презентации понимания предмета представляется достаточно конструктивным. В учебнике предмет «внутренний мир человека» не только декларирован, но и максимально эксплицирован: из дидактических сооб-

ражений максимально полно представлена внутренняя архитектура предмета. Отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета. Поясним этот тезис, который может показаться сомнительным. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. Делается это обыкновенно из тех соображений, что единицу изучить легче. Легкость оказывается иллюзорной. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет.

Единицу изучать проще, но эта простота оказывается очень коварной: вместе с совокупным предметом, подлежащим изучению в полном объеме, из психологии уходит возможность глубже понять психическое. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет — психе как целое — который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера становится реальным — объяснить психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтейем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно ограничиться лишь несколькими характеристиками. Действительно, в тексте упомянутого учебника содержится развернутое содержание трактов-

ки предмета психологии и терминологического аппарата, позволяющего выполнить наиболее значимые расчленения внутри последнего.

Хочется сделать еще пару замечаний методологического плана, связанных с вопросом о предмете психологии. Вопросы, связанные с изменением трактовки предмета психологии, обычно воспринимаются как «революционно-перестроечные». Обратим внимание на то, что в нашем случае ничего подобного не происходит: никаких манифестов, никаких ниспровержений не предусмотрено. Более того, трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека — сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со Средних веков утверждает, что душа (психика) есть *простая* вещь, познающая себя и другие вещи. Психологические школы и направления следовали этому весьма спорному учению. Отсюда логически также следует, что исследовательский метод психологии тоже должен быть *простым*. Это также недоразумение: мир сложен и для его исследования используется множество различных методов, чаще всего комплексы методов, как из арсенала естественно-научной, так и гуманистической психологии.

В учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир,

с одной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология.

Хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. **Первое.** Предлагается пересмотр предмета психологии. В соответствии с вышеизложенным в качестве предмета психологии понимается *внутренний мир человека*. Обратим внимание, что изменение трактовки предмета психологии это не просто словотворчество, объявление предметом другой реальности. Уже упоминалось, что некоторые психологи полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания *предмета* данного *конкретного исследования*. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает влияния на предмет конкретного исследования. Кстати, можно увидеть большое количество учебников по психологии, где о предмете определенно говорится только в первой главе, а содержание всех остальных с трактовкой предмета практически никак не связано. Выбор адекватного предмета имеет решающее значение как для успешности конкретного исследования, так и для самоопределения науки в целом (Мазилев, 2017б).

Второе. Обычно в ответ на предложения изменения трактовки предмета следует стандартная реакция в виде предложения определить это понятие. Определение В. Д. Шадрикова было приведено выше. По нашему мнению, давать определение внутреннему (или

внешнему) миру — занятие малоперспективное. Вспомним классика психологии В. П. Зинченко, который писал: «У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт» (см.: Зинченко, Подорога, 2005, с. 35). Последуем примеру классика. В конце концов, у нас есть архитектура внутреннего мира и представление о том, как ее исследовать.

Третье. Мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един, как, впрочем, и внешний мир. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках внутреннего мира представлены разные механизмы. Едва ли мы поймем ощущения без использования понятия отражение. Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал, что «мыслить — это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было наличие ощущаемое» (Аристотель, 1976, с. 407). Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение, несомненно, имеет место в области чувственного познания, создавая чувственную ткань, но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. И самое последнее. Внутренний мир сложен, поэтому естественно, что для его исследования требуются разные методы. В общем виде, несомненно, что необходимо сочетание различных методов.

Четвертое. Как представляется, новое понимание предмета психологии позволяет преодолеть неразрешимые трудности в объяснении психического. Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том, что традиционная трактовка предмета

делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как внутренне простого предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения прекрасно показана в работах замечательного отечественного философа Е. П. Никитина. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е. П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто “пассивное”, “страдательное”, произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а “со стороны”, посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта “извне”, через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» (Никитин, 1970, с. 88–89). Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки). Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается»

в физиологии, социологии, логике и т.д. — в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему глубокому убеждению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

Пятое. Заметим, во избежание возможных недоразумений. Разумеется, подход, обоснованный в настоящей статье не является единственно возможным. Есть и другие варианты. С нашей точки зрения, во многом теоретическим требованиям понимания предмета психологии соответствует подход, разрабатывавшийся в трудах Карла Юнга (Мазилев, 2006; 2008). Как представляется, подход, реализованный в настоящей статье и воплощенный в упоминавшемся выше учебнике по общей психологии (Шадриков, Мазилев, 2015), в большей степени соответствует традициям отечественной психологической науки и бережно относится к существующим в отечественной психологии традициям.

Впрочем, все эти вопросы требуют специального и неспешного обсуждения.

Однако к сказанному хочется добавить несколько дополнительных суждений, касающихся перспектив данного подхода.

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга, в свою очередь процессы рассматриваются обособленно от качеств личности: в нашем подходе отдельные функции и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный отечественный психолог П. Я. Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что она не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм —

признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно — *toto genere* — разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» (История психологии..., 1992, с. 3). П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» (там же). Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. В настоящем подходе внутренний мир рассматривается как автономная система, объяснения происходят внутри этой системы. При желании может быть описана функциональная система, обеспечивающая функционирование целостного внутреннего мира человека (Шадриков, 2006). Функциональная система понимается в смысле П. К. Анохина. Описываемый подход, при котором психические явления в рамках целого обретают надежную нейрологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удастся избежать редукционизма и физиологизма.

3. Реализация широкой трактовки предмета позволяет сформулировать подход, способствующий улучшению взаимопонимания между академической и практической психологиями (Мазилев, 2015). Это представляется важной и пока что не решенной задачей современной психологии.

4. Представляется, что нуждается в комментарии сам выбор ключевого термина — внутренний мир. Известно,

что в научном исследовании бывает важным то, с какими понятиями будет соотноситься исследуемое. В данном случае полезно вспомнить о древней традиции: нельзя исключить, что аналогии будут полезны и сегодня. Хочется вспомнить о той традиции, которая была заложена еще Демокритом. Речь идет о сходстве микрокосма и макрокосма, о том, что в них действуют общие законы. Здесь не место развивать эту аналогию, но не исключено, что современной психологии стоит прислушаться к идеям, высказанным еще в античности, тем более, что для возрождения этих идей могут найтись основания (Мазиллов, 2017б).

5. Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектуру. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта представляет собой классический вариант системного подхода, точнее содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как известно из истории психологии, может явиться «сознание». При этом причины неудач на этом исследовательском пути часто остаются без необходимого методологического анализа. Проблема в том, что сознание человека явно

не представляет собой целостность, способную к «самодвижению» (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос.

Сознание представляет собой вырванный из ткани души «кусочек душевного аппарата». И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечетка, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где эта граница, и как они — сознание и бессознательное — должны соотноситься. «Кровотокающий» след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что наличие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Сознание, как можно полагать, не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотнести сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Не лучше оказывается вариант, когда предметом психофизиологической науки объявляется психика. Ассоциации, которые существуют у психологов, подсказывают, что психика должна трактоваться процессуально — как процесс, протекающий здесь и сейчас. Процессуальное понимание психики не позволяет понять, как функционируют устойчивые психологические характеристики человека — свойства, которые характеризуют личность и индивидуальность человека... В рамки одной статьи невозможно поместить аргументацию к дискуссии по столь фундаментальным вопросам.

Из истории психологии также хорошо известно, что обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного») (см. об этом подробно: Мазилев, 1998; 2006; 2017а). Возможно, само выделение психологии в самостоятельную науку было преждевременным. Представляется поразительным, что многие из этих ограничений сохраняются и в современной психологии. Видимо, необходим специальный методологический анализ, но это, безусловно, задача отдельной работы. Полагая в качестве предмета внутренний мир человека, мы получаем возможность избежать попадания в тупики, о которых было сказано выше.

6. Одной из важнейших для предмета психологии является выполнение функции «операционального стола» (М. Фуко), позволяющего производить операции с содержанием, соотносить различные версии психологических концептов и понятий. Представляется, что реализуемый проект позволяет проводить последовательную линию на описание общей психологии как целостной и непротиворечивой науки, что не мешает демонстрировать множественность подходов и психологических теорий. Обратим внимание, что в этом случае у изучающего — будь то студент или практик — пробуждается уважение к общей психологии, поскольку она действительно предстает перед ним как целостная наука, хотя и характеризующаяся множественностью подходов и нерешенных вопросов.

Литература

- Аллахвердов В. М.* (2002). Пришла методологическая пора — психология, открывай ворота! // Вопросы психологии. № 4. С. 154–157.
- Аллахвердов В. М.* (2006). Вечно зеленеющий предмет психологии на фоне сухой теории // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 100–104.
- Аристотель* (1976). Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль.
- Асмолов А. Г.* (2002). По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл.
- Асмолов А. Г.* (2012). Оптика просвещения: социокультурные перспективы М.: Просвещение.
- Василюк Ф. Е.* (2003). Методологический анализ в психологии. М.: Смысл.
- Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* (2012). Методология психологии: проблемы и перспективы / под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии (2015) / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН.
- Вундт В.* (1880). Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М. Н. Лаврова и Ко.
- Гусельцева М. С.* (2009). Проблема изучения психики как междисциплинарного феномена: культурно-аналитический подход // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 166–179.
- Зинченко В. П.* (2003). Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии / под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН. С. 98–134.
- Зинченко В. П.* (2006). Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 207–231.
- Зинченко В. П., Подорога В. А.* (2005). О человеческой душе и плоти // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 34–43.
- История психологии: период открытого кризиса (1992) / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: МГУ.
- Карицкий И. Н.* (2006). Экспликация предмета психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 105–118.

- Леонтьев А. Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.
- Леонтьев Д. А. (2006). Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл. С. 134–147.
- Леонтьев Д. А. (2008). Теория личности А. Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 7–20.
- Мазилев В. А. (1998). Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН.
- Мазилев В. А. (2002). Предмет и задачи психологии // Общая психология: Учебник / под ред. А. В. Карпова. М.: Гардарики. С. 5–23.
- Мазилев В. А. (2004). Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии / под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН. С. 207–225.
- Мазилев В. А. (2006). О предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 55–72.
- Мазилев В. А. (2008). Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН.
- Мазилев В. А. (2015). Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. № 3. С. 87–96.
- Мазилев В. А. (2017а). Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ.
- Мазилев В. А. (2017б). Психология: возвращение к Демокриту / Ярославский педагогический вестник. № 1. С. 178–188.
- Никитин Е. П. (1970). Объяснение — функция науки. М.: Наука.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ (2012) / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: ИП РАН.
- Петренко В. Ф. (2007). Космический странник — сознание: опыт индивидуально-бейн-шторминга // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 5–24.
- Петренко В. Ф. (2010). Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф.
- Пископнель А. А. (2006). Гуманистический принцип личности и предмет психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 232–250.
- Прогресс психологии: критерии и признаки (2011) / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: ИП РАН.
- Роговин М. С. (1969). Введение в психологию. М.: Высшая школа.
- Рубинштейн С. Л. (1940). Основы общей психологии. Москва: Учпедгиз.
- Рубинштейн С. Л. (1973). Философские корни экспериментальной психологии // С. Л. Рубинштейн «Проблемы общей психологии». М.: Педагогика. С. 68–90.
- Субъектный подход в психологии (2009) / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН.
- Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива (2007) / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН.
- Фрум К. (2016). Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Cognus; АСТ.
- Человек, субъект, личность в современной психологии (2013). Мат-лы Международной конф., посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН.
- Чуприкова Н. И. (2006). Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 174–192.
- Шадриков В. Д. (2004). О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 5–19.
- Шадриков В. Д. (2006). Мир внутренней жизни человека. М.: Логос.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А. (2015). Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт.
- Янчук В. А. (2006). Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 193–206.
- Merton R. K. (1949). Social theory and social structure. NY.: Free Press.